

СОВРЕМЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ

Вандышев В.Н. (г. Сумы)

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы управления процессом формирования системы ценностей современного глобализированного мира. Автор акцентирует внимание на особенностях современного этапа развития постиндустриального информационного общества. В современном обществе происходят существенные изменения под влиянием унифицирующих тенденций, характерных для внедряемых в системы управления различных элементов искусственного интеллекта.

Ключевые слова

МЕНЕДЖМЕНТ, СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ПРАГМАТИЗМ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОГРЕСС, ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Введение

Понятие менеджмента в контексте современной социально-экономической действительности обнаруживает многочисленные проявления и аспекты. Особое значение это понятие приобретает в связи с распространёнными представлениями о современном этапе глобализации, вне поля действия которой немыслимо ни современное экономическое, ни геополитическое мышление. Писателям-антиутопистам, творившим в середине XX столетия, многое из происходящего ныне и не снилось. Но как раз свершившееся в последние два десятилетия и оказывается уже неотъемлемыми частностями нашего внешнего существования.

Размышляя о современном этапе глобализации, важно акцентировать внимание на главном затруднении, испытываемом современным постиндустриальным обществом. В постиндустриальном обществе обнаружилось отсутствие цели, размытой оказалась прежде незыблемая система нравственных и материальных ценностей. Ведь желание правительств и народов стран с высокоразвитой индустрией быть «сильными» вовсе не означает, что стремление быть сильным и быть целенаправленным гармонично взаимосвязаны.

Несомненно, глобализацию следует рассматривать как объективную тенденцию мирового развития. И в прежних своих формах глобализация ослабляла барьеры вначале между отдельными народами и культурами, а позже – между суверенными государствами. Ныне глобализация преобразует внутренние

социально-экономические отношения, разрушает культурные табу, жёстко отсекает всяческий партикуляризм, не упускает возможности наказать неэффективность, в то же время всячески поощряя лидеров эффективности.

В то же время, существующие в постиндустриальных странах социально-экономические процессы оказываются в значительной степени связанными с поисками определённой системы ценностей. Изучение проблемы ценностей актуально не только для постиндустриальных, и для современных индустриально развитых и развивающихся стран. Уместно отметить, что заинтересованное и систематическое изучение проблем теории ценностей в противовес буржуазной аксиологии началось в отечественной философско-социологической литературе только с середины 1960-х годов, когда начался пересмотр и утверждение новой системы таковых в условиях перехода к очередному этапу социалистического и коммунистического строительства.

Существенный вклад в исследование аксиологической проблематики в разное время внесли западные мыслители А. Мейнонг, О. Краус, Г. Беккер, Дж. Дьюи, Ф. фон Ринтелен, О. Шпенглер, А. Печчеи и др. Среди советских философов и учёных следует отметить вклад в изучение проблемы ценностей со стороны К.С. Бакрадзе, И.С. Нарского, В.П. Тугаринова, А.М. Коршунова, В.Л. Иноземцева и др.

В настоящее время достигнуты определённые успехи в философском обосновании сущности ценностных феноменов, познании духовных ценностей и их специфики, в углубленном изучении проблем ценностей в западной философии и социологии, раньше других столкнувшейся с новыми явлениями постиндустриального общества, которые обрели форму глобализма, окрашенного идеологией квазиплюрализма и постмодернизма. Таким образом, актуальность настоящего исследования заключается в том, что в дальнейшем исследовании нуждается феномен глобализации, который нельзя сводить только к рыночным и экономическим параметрам. Важнейшими в плане проявления последствий глобализации оказываются культурно-информационные и нравственно-ценностные последствия, которые также играют определяющую роль в формировании обстоятельств бытия человека.

Обсуждение проблемы

Вторая половина прошедшего столетия прошла под влиянием разнонаправленного противостояния идеологий западной демократии и коммунистического преобразования общества в странах социалистического лагеря.

В социалистических странах, в силу очевидного диктата господствующих идеологических стереотипов, материальные и

Современный менеджмент: социальные ценности и искусственный интеллект в системах управления

духовные ценности не могли в полной мере служить не только всестороннему развитию личности, столь активно декларируемому официально, но и развитию личности как таковому. В такой ситуации научное творчество весьма часто замешивалось на новой мифологии, на слепой вере в авторитеты, на ожидании указаний «сверху».

В «обществе всеобщего потребления» также существовали определённые стереотипы, очевидные в процессе творчества. Так происходит потому, что творчество не приходит к необходимости глубокого осмысления своих собственных социальных оснований, не задаётся вопросами «в чём смысл творческой деятельности?», «каково отношение творчества и его результатов к реализации сущностных сил человека?», «какими целями, идеалами и нормами должен руководствоваться учёный в своей деятельности?» и т.п.

По большому счёту при таком подходе появляется реальная опасность превращения самого творчества в разновидность просвещённого эгоизма или даже рационализированного безобразия. Достаточно вспомнить, например, негативные экологические последствия применения научно-технических новаций. Гуманистически ориентированные мыслители уже давно обратили внимание на одностороннее понимание ценностей в индустриальном мире. Так, Аурелио Печчеи отмечал необходимость «... как можно скорее перейти от концепции, ориентированной на человеческие потребности и их удовлетворение, к другому понятию, в основе которого лежало бы человеческое развитие, а главной целью стало бы самовыражение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности» [1, 229.].

Понятно, что возможность и действительность выступают важными категориями, способствующими пониманию процесса взаимоперехода реального в ирреальное и рационального в иррациональное. Отсюда вновь и вновь воспроизводится фундаментальный вопрос о реальности мира: что более реально – мир духовный, или мир материальный. Это тем более актуально, что современный человек в своём повседневном бытии обнаруживает новый срез виртуального бытия. Человека всё глубже и всё чаще погружают в сиюминутное, в мир иллюзорного, в качестве которого выступают реклама, развлекательно-юмористические программы, фильмы ужасов и фантастика. Все означенные формы воздействия на психику потребителя утверждают в значительной степени комплекс мнимых ценностей. За пределами индивидуального бытия человека существует гигантский мир вещей и удовольствий, диалектически совмещающий в себе реальное и ирреальное, возможное и невозможное. Этот мир в основном невозможно реализовать среднему человеку в силу как материальных и моральных, так и психофизиологических причин.

Виртуальный мир – это мир, чуждый здравому смыслу. Первоначально выступая как атрибут теоретического в фундаментальной науке, виртуальное стало сегодня и атрибутом повседневности. Здесь виртуальное – это мир фантастических возможностей, мир удачи, торжества случая, мир возвышения посредственности над окружающими, мир пренебрежения интересами другого. Отсюда и получается, что бытие современного человека – это бытие в пленительной неотвратимости повседневных иллюзий. Так происходит подмена ценностей, противопоставление ценностей людей индустриального мира и людей информационно-постиндустриального мира.

Одной из беспокоящих, неприятных и необъяснимых массово феноменов современного этапа развития глобального общества становится «новый коммунизм», истоки которого я усматриваю в своеобразии современной финансово-кредитной системы. Дело в том, что в мировой экономике вращаются огромные денежные потоки, которыми она кредитует за счёт населения. По большому счёту, – это «ничейные» деньги. Многомиллионные массы индивидов, кто их накапливает на своих счетах (будучи уверен в их возврате в любой момент), они «сегодня» ещё не нужны. Но эти деньги всё-таки реально существуют для тех, кто наверху финансовой пирамиды ими пользуется сегодня; эти деньги помогают тем, кто на вершине пирамиды власти определяет с их помощью сегодняшнюю и завтрашнюю политику. Сегодня они могут легко манипулировать ценообразованием, сегодня они могут легко выплатить изрядную сумму денег «нужному» человеку. И скорее всего никогда не придётся отвечать за это действие? И не перед кем? Правда, периодически где-то возникают скандалы, пишут о коррупции в высших эшелонах власти финансовой и политической, терпят «неожиданный» крах зубры американской, западноевропейской и южно-азиатской экономик... Но чем дальше, тем большее количество потребителей будет безвозмездно пользоваться этими заимствованиями. Чем не коммунизм? Тем более, что как утверждает В.Л. Иноземцев: «Развитие новых технологий двинулось в том направлении, где главными факторами производства стали способности и знания работников – неотчуждаемые свойства каждого человека. А прогресс техники обеспечил реальную возможность личного владения средствами создания современных информационных продуктов» [2, 480].

Размышляя в новых исторических условиях над проблемами сущности и содержания ценностей, следует акцентировать внимание на тех точках зрения, которые представляются мне недостаточно обоснованными. Это, во-первых, позиция, сторонники которой полагают, что ценности суть объективные свойства вещей,

Современный менеджмент: социальные ценности и искусственный интеллект в системах управления

коренящиеся в их собственной природе. Отсюда и соответствующее представление о разделении ценностей на естественные и общественные. Сторонники другой точки зрения считают необходимым ограничивать сферу ценностей исключительно общественным сознанием. Следование первой точке зрения ведёт к своеобразной натурализации ценностных феноменов, к представлению категории ценности как универсальной, отражающей свойства и природного, и социального мира [2]. В этом случае в сферу теоретического анализа попадают не только ценностные отношения, но и более широкие отношения – отношения «значимости». Универсализация категории социологии ведёт к смешению различных уровней исследования. Понятийный аппарат, соответствующий общесоциологическому уровню анализа, здесь, следовательно, не может достаточно адекватно отражать реально существующий феномен.

С другой стороны, ограничение ценностных феноменов сферой только общественного сознания представляется также малопродуктивным. Именно эту точку зрения обозначил И.С. Нарский, когда писал, что «ценности – это главным образом идеалы общественной, а на этой основе и личной деятельности» [3, 214]. Если любая ценность имеет своим источником практику, и именно последняя является объективным определителем ценности, то, по-видимому, нет достаточных оснований замыкать сферу ценностных феноменов исключительно духовной жизнью общества. Потому что, и в самом деле, многообразие общественных потребностей и исторической практики является источником самых различных ценностей – материальных, социально-политических, научных, нравственных и эстетических, которые представляют собой в единстве многокрасочную палитру человеческой культуры.

Проблема эволюции человека, как планетарного существа, тесно связана с существующими сегодня представлениями о якобы всеисилии человека, которое привело к экологическому кризису. Известный русский мыслитель-эзотерик XIX столетия *Г.И. Гурджиев* заметил, что только такая теоретическая и далекая от жизни мысль, как европейская, способна представить себе эволюцию человека как процесс, не связанный с окружающей природой, рассматривать эволюцию как постепенную победу над природой. Это невозможно. Своей жизнью, смертью, эволюцией и вырождением человек всегда служит природе; вернее, природа одинаково использует для своих целей возможности и эволюции, и вырождения.

В своей совокупности человечество не может ускользнуть из-под власти природы, ибо эволюция больших масс людей противоречит целям природы, и чтобы ей противодействовать существуют особые силы планетарного характера. Мы их можем наблюдать в действии. То, что нам кажется прогрессом или

эволюцией, – лишь частичное видоизменение, уравновешиваемое противоположным изменением. Не надо большой фантазии, чтобы понять эту мысль! Но отдельный человек, подчёркивал Г.И. Гурджиев, обладает возможностями эволюции с помощью соответствующего знания и методов. Человек должен понять, что эволюция необходима только ему самому. Никто другой в ней не заинтересован и не обязан ему помогать, но препятствовать будут. Препятствия эти не бесполезны для человека, ибо *эволюция человека – это результат сознательной борьбы.*

Отсюда научный дарвинизм не выдерживает критики. В то же время антидарвинистские и антиэволюционистские представления о природе человека основаны на известной совокупности геологических, археологических, палеонтологических свидетельств, получивших ныне более или менее широкую огласку. На них ссылаются *Майкл Кремо* и *Ричард Томпсон* в работе «Неизвестная история человечества» (М., 1999). История развития палеоантропологии связана, по мысли этих авторов, со многими случаями фальсификации и умолчания результатов археологических раскопок и исследований. Делают это те, кто желают господства в этой науке доктрины Дарвина.

М. Кремо и Р. Томпсон оценивают существующий массив открытий и находок, исходя из предположения, что история человека умелого и человека разумного не ограничена временными рамками установленными «авторитетами» науки. В Греции, Англии, Турции, Италии в ходе раскопок археологами были многократно обнаружены каменные орудия, которые обработаны рукой человека и имеют возраст от 5 млн. до 55 млн. лет. В ходе рытья шурфов к золотоносным породам в Калифорнии были обнаружены каменные ступка и пестик, каменные наконечники копий, возраст которых колеблется от 33 до 55 млн. лет. Отсюда можно было бы сделать вывод о примитивном уровне культурного и технического развития человекоподобных существ на Земле в доисторические времена.

Но есть и многочисленные свидетельства существования давней развитой культуры на Земле. Так, в глыбе песчаника, имеющей возраст 360-408 млн. лет, извлеченной из каменоломни в Шотландии в 1844 г., был обнаружен вмурованный туда железный, густо проржавленный гвоздь со шляпкой. Тогда же в Англии в каменной глыбе возрастом 320-360 млн. лет нашли вмурованную в нее золотую нить. В 1852 году журнал *Scientific American* дал заметку о том, что в ходе взрывных работ среди осколков каменных глыб нашли металлический, разорванный взрывом надвое, колоколообразный сосуд высотой 11,3 см, внизу диаметром 16,5 см, вверху – 6,3 см. Стенки были толщиной 3 мм. Прекрасный сосуд изготовлен из сплава цинка с серебром. Стенки его украшали шесть

изображений букетов цветов, инкрустированных чистым серебром, а нижнюю часть опоясывала инкрустированная серебром виноградная лоза. Возраст породы – старше 600 млн. лет. В глыбе каменного угля в шахте штата Иллинойс нашли золотую цепочку тонкой работы длиной 25,4 см и весом 12,4 грамма. Возраст угольного пласта 260-320 млн. лет. Во Франции в меловом пласте возрастом 65-144 млн. лет были найдены куски металлическим труб.

Свидетельства о древности творений человека умелого следует дополнить фактами находок необычных скелетных останков человека. В ряде мест Италии, а также в других странах были найдены останки, сходные с останками человека современного типа, имеющие возраст от 3-4 млн. лет до 55 млн. лет. Еще более древние человеческие кости нашли в шахте штата Иллинойс – 286-320 млн. лет. Выходит так, что люди современного анатомического типа и различные человекоподобные существа, известные как дикие люди в Европе, Северной Америке, Гималаях, Центральной Азии и других местах сосуществуют бок о бок сотни миллионов лет?

Указанные выше свидетельства развития разумной жизни на Земле, которые нашли свой конец, можно связать с эпохальным (экологическим?) кризисом. И в наше время мощное и всестороннее техногенное воздействие общества на окружающую среду, начиная с 1950-60-х гг. привело к явным признакам *экологического кризиса*, т.е. к разрушению природы, к нарушению природного баланса. Атмосфера загрязнена отходами химического производства, выхлопными газами автомобилей, продуктами сгорания топлива на ТЭЦ. В воздухе пепел и пыль, окислы азота, серы, углерода, аммиак, фтор и хлор в опасных для здоровья человека масштабах. Так, в Японии воспроизводство кислорода растительным миром не поспевает за масштабами его сгорания. Реки, моря и океаны стали местом сбрасывания жидких и твёрдых отходов производства и повседневного быта людей. Возможности самоочищения у многих рек и озёр на сегодня практически исчерпаны. Поверхность Земли также загрязнена отходами. Происходит массовая деградация сельскохозяйственных земель. Здесь пестициды, остатки минеральных удобрений, неправильное землепользование, испытания ядерного оружия, отходы нефтяного и газового промыслов, металлургии, угледобычи и т.д. Эфир пронизывают потоки электромагнитных вибраций разной частоты, что также вредно воздействует на живое. Здесь же и шумовые загрязнения на транспорте и в производстве.

Пока существенных сдвигов в преодолении экологических проблем не произошло. Более того, распространённые стандарты обладания и потребления ныне трансформируются и индивидуализируются, что позволило О. Тоффлеру уже в работе «Третья волна» (1980) обнаружить новые черты массового

производства. Всё в большей степени производство тяготеет к тому, чтобы учесть индивидуальные запросы потребителя. Феномен потребления стал неотъемлемой ценностью современного постиндустриального мира, навязывая новые стандарты и жителям индустриально отсталых стран. Человек всё больше становится человеком-потребителем.

Синдром потребительства доминирует, что выражается сейчас и в словоупотреблении. Ещё К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе» обнаружили странную языковую трансформацию – употребление существительного вместо глагола. Подумайте: «Любовь – это чувство, эмоциональное деятельное переживание человека, или любовь – это всевластная жестокая богиня». И вы тогда поймёте, в чём суть дела. Ибо есть человек *любящий*, и есть человек *любви* (т.е. человек, принадлежащий любви). И аналогично: есть человек *использующий* вещь, и есть человек – *раб* вещи, т.е. человек *принадлежащий* вещи.

Проблемы экологические тесно связаны с демографическими. Только за сорок последних лет население Земли удвоилось, приближаясь ныне к 6,5 млрд. человек. А. Печчеи считал, что проблема пределов человеческого роста зависит, главным образом, от культуры человека, поскольку в погоне за намеченными целями, люди готовы к расточительству, т.е. к такому пороку, который мешает им воспользоваться уже достигнутыми плодами роста. Поэтому надо сконцентрировать усилия философов и идеологов общества на развитии в человеке способности и желания управлять собой и своим миром, формируя аутентичную систему ценностных установок, исходя из **разумных** потребностей.

В свете происходящих изменений в формировании новой системы ценностей (в контексте углубления проблем экологии и демографии) важная роль принадлежит технике. Техника – это система искусственных органов деятельности общества. Техника составляет материальный базис каждой особенной общественной организации и тесно связана с научными знаниями. Поэтому естественным представляется усложнение техники в историческом плане. Вначале между человеком и природой существовало одно техническое звено – орудие производства (инструменты). С появлением машины человек управляет уже машиной, то есть между человеком и предметом труда стоят два технических звена. Третье техническое звено возникает с введением простой автоматике, где программу работы машине задаёт человек. Но и на этом технические усовершенствования не заканчиваются, оставляя место для новых промежуточных между предметом труда и человеком звеньев.

Уже М. Хайдеггер заметил, что во всех сферах своего бытия человек будет окружен всё более плотно силами техники, которые

повсеместно привязывают человека к себе, тянут его за собой, осаждают его и навязываются под видом тех или иных технических приспособлений. Важно, что эти силы давно уже переросли нашу волю и способность принимать решения. Технизированный мир не страшен. Плохо то, что человек не готов к нему, что он не способен осмысленно встретить изменения. Для М. Хайдеггера мир техники объективен и противостоит человеку как мощная сила. Человек может с ним совладать, если он обретёт новую почву для укоренения, если у него будет **родина**. Нельзя попасть в рабство к машинам и техническим приспособлениям. Мы можем их использовать так как нужно, но не привязываться к ним, оставить их в покое, как не имеющие отношения к нашей сущности. Это отношение к технике Хайдеггер предлагает называть старым словом – **«отрешённость от вещей»**. Истинно, истинно сказал Учитель: «Блаженны нищие духом». Хайдеггер заметил, что есть много опасностей для человечества. Третья мировая война, например. Опасен наступающий атомный век, ибо новая волна революции атомного века может околдовать так, что однажды вычисляющее мышление станет единственным действительным и практикуемым способом мышления. Отсюда самое страшное, что может ожидать человека – равнодушие к размышлению.

Именно в этом пункте и обнаруживается своеобразие исследования возможностей машины подобным некоторым умственным способностям человека. Учёные издавна создавали машины и устройства для осуществления разного рода математических операций. Уже Раймонд Луллий построил логическую машину, которая из исходных суждений могла продуцировать умозаключения. В XX столетии потребность в вычислительной технике стала очевидной и для теоретиков-исследователей и для инженеров-практиков, а посему возникла злободневная задача практической науки (кибернетики) – создать системы, которые превзошли бы существующие вычислительные машины на основе имитации процессов человеческого мышления. Так были созданы машины способные решать логические, математические, шахматные задачи, переводить тексты с одного языка на другой, совершенствовать организацию труда и автоматизировать проектирование новых машин. Отсюда и появление ряда метафор, связанных с вычислительными машинами: «электронный мозг», «интеллектуальная машина», «мыслящее устройство» и т.п.

«Искусственный интеллект» можно рассматривать как признание способности вычислительных машин осуществлять такие операции, которые с точки зрения человека могут выглядеть как разумные. Ряд кибернетологов полагали, что создание вычислительных машин позволит глубже осознать и сущность

человеческого интеллекта. Более того, по мнению П. Уинстона, методологию, которую используют для изготовления умных машин, можно будет использовать в перспективе и для того, чтобы самих людей «сделать умнее».

Рассматривая тему с философско-методологических позиций, в деле организации исследований искусственного интеллекта можно выделить две основных цели и соответствующие им направления поисков. Одна из них – информационная или эвристическая. Цель её состоит в создании программ для вычислительных машин, которые способствуют автоматизации таких видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными. Здесь важен конечный результат, то есть совпадение с тем, чего достигает человек при решении той же задачи.

Другую цель можно назвать бионической, поскольку её сторонники перспективу моделирования интеллектуальной деятельности человека усматривают в воссоздании техническими средствами самого субстрата, в котором разворачиваются психические процессы осознания окружающего мира. Эти учёные больше заняты исследованиями физиологических и биохимических процессов, которые происходят в мозгу человека. Они рассчитывают построить достаточно совершенные сети искусственных нейронов и другие аналогичные конструкции, которые имитировали бы процессы, происходящие в нервной системе человека, и были бы связаны с его умственной деятельностью.

Когда стало очевидным, что компьютеры оказываются очень важной подмогой в практической жизни людей, а также в повседневной жизни, тогда обнаружился неожиданный для общественности парадокс: потенциал машины оказался настолько значимым, что полное использование его требовало высокого уровня профессиональных знаний и специальной подготовки. Но в общем «искусственный интеллект» выполнил социальный заказ. Нынешние персональные компьютеры могут работать как в автономном режиме, так и будучи включенными в существующую сегодня международную паутину Интернета.

Обнаружился и ещё один новый момент в бытии современного человека, а именно то, что можно назвать деградацией языка. Связана она с оскудением, как языковых форм, так и словарного запаса отдельных индивидов и тех профессиональных и социальных групп, к которым они принадлежат. Немалую лепту в этот процесс привносит бурно развёртывающийся процесс компьютеризации. Компьютер оказывается наполненным таким объемом информации (вспомним потенциал Интернета), такими возможностями её классификации, пополнения и использования, что в глазах обывателя определение «разумная машина» уже не звучит вызовом

Современный менеджмент: социальные ценности и искусственный интеллект в системах управления

общественному мнению. Апеллируя к огромным информационным возможностям машины, уже можно не напрягаться в деле добывания знания, которое в своём абстрактном значении и есть информация.

Отсюда и соответствующие отношения к задачам образования и воспитания последующих поколений. Искусственный интеллект оказывается формой замещения оскудевающего интеллектуального потенциала «живого» человечества. Искусственный интеллект оказывается также и средством унификации людей на основе снижения вариабельности их интересов и потребностей. Машину «научают» навязывать людям стандартные потребности и жизненные ценности, что является также сферой приложения современного менеджмента.

В привычной нам системе научного знания признаётся, что сознание идеально, противоположно материальной реальности. Но можно прислушаться и к иным точкам зрения, иначе философско-методологически окрашенным. И тогда вполне придётся задаться вопросом: как идеальное может столь непосредственно, заинтересованно, а то и болезненно, реагировать на проплывающие по экрану телевизора картинки материальных вещей и чувственных удовольствий? Именно поэтому одной из форм воздействия на потребителя является очевидный антропоморфизм рекламы и образов-фантомов с его важнейшими качествами: активность, целеполагание, ответственность, забота, а то и агрессивность.

Естественно предположить, а то и утверждать то, что давно известно в соответствующих системах знания, а именно: **сознание человека – это тоже материя**. Конечно, – это материя весьма тонкая и трудно уловимая имеющимися ныне техническими устройствами. Но, по большому счёту, вульгарные материалисты были правы в своих утверждениях. Восприятие материального мира и все процессы трансформации окружающего в образы сознания – это материальные процессы.

Современный этап развития компьютерной техники также достаточно определённо свидетельствует о том, что знание материально. Одной из характеристик материальности является то, что количество материи всегда ограничено. Имея в своём распоряжении определённое количество знания, человечество уже не в состоянии дать каждому привычный ранее объём знания. Значит, его надо сконцентрировать в некоей сокровищнице, роль которой выполняет компьютерная информационная сеть.

В области интеллектуальной происходит примерно то же, что и в области финансов. Небольшое количество людей, способно накапливать в больших количествах знание и эффективно использовать его для решения задач своего индивидуального развития. И именно они задают направленность развитию научно-технической среды. Остальные миллиарды людей, в силу

особенностей своей психики, своих интеллектуальных и волевых качеств могут получить только небольшое количество знания. И сколько бы людей не получило это небольшое количество знания, в их жизни и в их понимании вещей ничего не изменится, разве только жизнь, подстёгиваемая рекламой, становится всё труднее, а добывание минимально необходимых для поддержания жизни средств оказывается всё проблематичнее.

Выводы

Как оказалось сегодня, огромное большинство людей не желают никакого знания, а те возможности, которые как бы открывает распространение компьютерной техники, они используют для бездумного времяпрепровождения за играми у экранов мониторов. Собираение знания некоторыми людьми в таких условиях естественно, поскольку другие его отвергли. Как свидетельствует *известный* опыт, собиание рассеянной материи знания часто совпадает с началом разрушения и крушения культур и цивилизаций.

Достаточно очевидны и философские выводы. Человек – обитатель привычного мира повседневности, вдруг оказался в сгущающихся сумерках компьютерного мира. Ведь то, что видит человек, сидя у монитора персонального компьютера, – это лишь незначительная часть того айсберга информации, который спрятан внутри системного блока. Итак, получается, что человек становится зависимым от «интеллектуально развитой» машины, от совокупности разного рода вложенных в неё ценностных установок, а посему и управляемым её «интеллектом», вложенным в неё группой определённым образом философско-мировоззренчески и социально-экономически ориентированных идеологов и разработчиков программного обеспечения. Возможности же понимания «электронного оракула», с каждой новой модернизацией программного обеспечения, для рядового пользователя становятся всё более затруднительными.

Завершая предпринятый экскурс, замечу, что антидарвинистское видение истории человечества позволяет предположить возможность многократного повторения человеческой истории, которая повторяется в общих чертах, в целом не прерываясь. О непрерывности истории может свидетельствовать и развитая мифология, как свёрнутая и мистифицированная летопись мира. Важно, что цикличные социальные процессы и процессы космического порядка как-то согласованы, а посему приводят постоянно к концу свершившегося и к началу нового.

Отсюда, все негативные явления: демографический взрыв, экологический кризис, средства массового уничтожения, терроризм, конфликты между этносами, конфессиями и государствами, часто выливающиеся в военные действия, – всё это может

Современный менеджмент: социальные ценности и искусственный интеллект в системах управления

свидетельствовать объективно о деградации человека массы. А благодатная среда для этого то, что можно определить как «сумерки компьютерного мира».

Что же касается судьбы отдельно взятого человека, то здесь, по-видимому, следует апеллировать к свободе воли, которой никто из нас не лишен. Впрочем, как возможно перспективу конца мира рассматривать в категориях строгой науки (космология, астрономия, геология и др.), так возможно рассматривать и в рамках различных «ненаучных» доктрин астрологии, эзотерики, теософии и теогонии.

Перспективы дальнейших научных разработок:

✓ анализ ценностей современного глобализированного мира.

Источники

1. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985.– 312с.
2. Иноземцев В.Л. К концепции постэкономического общества. – М.: «Academia», 1998. – 528 с.
3. Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. – М.: Наука, 1969.

Стаття надійшла 08.08.2005 р.